

СОФИЯ ВУЛ

Иногда
чтобы узнать
кто ты,
нужно потерять
всё, чем ты была

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ ДЛЯ ДВОИХ

София Вул

Чужая жизнь для двоих

«Автор»

2026

Вул С.

Чужая жизнь для двоих / С. Вул — «Автор», 2026

Один странный звонок рушит привычную жизнь Веры. То, что сначала кажется тайной её мужа, приводит к старому дому, исчезнувшим людям и семейным секретам, которые скрывали десятилетиями. Теперь Вере предстоит выяснить, кому она действительно может верить и кем является сама. Но чем ближе правда, тем страшнее ответ — и тем выше цена, которую придётся заплатить за любовь.

© Вул С., 2026

© Автор, 2026

София Вул

Чужая жизнь для двоих

Глава 1. Каждую среду

— Ваш муж каждую среду приходит ко мне. Уже восемь лет.

Вера не сразу поняла смысл услышанного. Она стояла посреди кухни, прижимая телефон к уху плечом, и пыталась открыть банку маринованных огурцов. Крышка не поддавалась. На плите шипело масло, на разделочной доске лежала недорезанная петрушка, вытяжка привычно гудела чуть громче, чем следовало, а из комнаты доносился голос дочери:

— Мам! У меня зарядка опять умерла!

Обычный вечер среды. Один из сотен вечеров, которые ничем не запоминаются и именно поэтому кажутся доказательством благополучной жизни. Вера любила такие вечера. Когда-то ей казалось, что счастье обязательно должно быть громким. Путешествия, безумные поступки, букеты без повода, признания посреди ночного города. К тридцати девяти она поняла: настоящее счастье чаще всего выглядит как три тарелки на кухонном столе, мужские ботинки в прихожей и раздражённое «мам!» из соседней комнаты. Настолько обычным был этот вечер, что чужой женский голос совершенно в него не помещался.

— Простите?

— Андрей. Ваш муж. Он приезжает ко мне по средам.

Голос был немолодой. Спокойный, низкий, немного хриплый. Не голос любовницы. Впрочем, Вера тут же одёрнула себя. Что за глупость? Разве у любовниц существует возрастной ценз? И откуда вообще взялось слово «любовница»? Женщина ничего подобного не сказала. Она только сообщила, что Андрей приходит к ней. Можно ходить к врачу. К преподавателю. К родственнице. К психотерапевту. Можно...

— Кто это?

Несколько секунд женщина молчала.

— Это неважно.

— Вообще-то, если вы звоните мне и рассказываете о моём муже, это очень даже важно.

— Я долго не решалась.

— На что?

— Позвонить вам.

Крышка наконец поддалась. Вера дёрнула рукой слишком резко, и рассол выплеснулся на стол. Несколько капель попали на рукав светлой блузки.

— Чёрт.

— Мам!

— Сейчас, Соня!

Она поставила банку на стол.

— Вы можете нормально объяснить, что происходит?

— Не по телефону.

Вот тогда стало страшно. Не больно. Не обидно. Именно страшно. Потому что до этой секунды всё ещё можно было считать ошибкой. Дурацким розыгрышем. Перепутанным номером. Но люди, которым нечего скрывать, не говорят «не по телефону».

— Вы хотите встретиться?

— Нет.

— Тогда зачем позвонили?

Женщина вздохнула. Вера услышала какой-то звук на заднем плане. Тиканье часов? Или метроном?

— Потому что в следующую среду он опять придёт. И я подумала, что вы имеете право это знать.

— Что знать?

Связь оборвалась.

— Алло?

Тишина.

— Алло!

Вера посмотрела на экран. Разговор завершён. Сорок семь секунд. Меньше минуты. Иногда меньше минуты достаточно, чтобы прошлое и будущее поменялись местами. На сковороде начало гореть мясо.

— Чёрт!

Она бросилась к плите.

— Мам, зарядка!

— Возьми мою!

— У тебя айфон!

— Тогда попроси у папы!

— Папы нет!

Вера замерла. Лопатка осталась в руке. Конечно, его нет. Среда. Андрей по средам играл в сквош. Эта привычка появилась восемь лет назад. Восемь. Она выключила плиту.

— Где папа? — зачем-то спросила Вера.

Соня появилась в дверях кухни. Шестнадцать лет. Длинные светлые волосы, огромная футболка с корейской группой, один носок белый, второй почему-то чёрный и выражение вечного лёгкого недовольства миром.

— В смысле?

— Он говорил, куда поехал?

— На сквош.

— Точно?

Соня прищурилась.

— Мам, у тебя всё нормально?

— Конечно.

— Тогда почему ты спрашиваешь так, будто папа ушёл за хлебом и пропал двадцать лет назад?

— Просто спросила.

— Ну да. Сквош. Среда же.

Среда же. Соня ушла. Вера посмотрела на часы. 19:42. Обычно Андрей возвращался около десяти. Восемь лет. Она взяла телефон и открыла список последних вызовов. Номер определился. Это почему-то удивило. Если женщина собиралась разрушить чужую семью, могла бы хотя бы скрыть номер. Вера нажала «позвонить». Гудок. Второй. Третий. Никто не ответил. Она попробовала снова. То же самое. Потом открыла мессенджер и сохранила номер под именем «Среда». Увидела надпись и почти рассмеялась. Не получилось. Вместо смеха внутри возникло неприятное ощущение, будто она уже сделала что-то неправильное. Словно самым сохранением номера признала существование тайны.

— Мам, а есть будем?

— Да.

Она разложила мясо по тарелкам. Соня ела, одновременно листая что-то в телефоне. Вера всегда ругала её за это. Сегодня не заметила бы, даже если бы дочь положила телефон прямо в тарелку.

— Папе оставить?

— Конечно.

— Он всё равно после тренировки не ест.

Вера подняла глаза.

— Почему?

Соня пожала плечами.

— Потому что он говорил.

— Когда?

— Не знаю. Всегда.

Странно. Вера не помнила этого. Она вдруг поняла, что вообще довольно мало знает о его сквоше. Где именно он играет? С кем? Сколько длится тренировка? Кто его партнёр? Она знала только, что восемь лет назад Андрей объявил: ему необходимо больше двигаться. Тогда у него начались боли в спине, и врач посоветовал спорт. Он купил ракетку. Белые кроссовки. Чёрную спортивную сумку. Сначала Вера шутила, что через месяц всё это поселится на антресолях рядом с роликами и домашним тренажёром. Но сквош остался. Среда стала его днём. Он возвращался поздно. Иногда с мокрыми после душа волосами. Иногда усталый. Иногда какой-то особенно молчаливый. Она ни разу не спросила, с кем он играет. Почему должна была? Они были женаты семнадцать лет. Вера познакомилась с Андреем в двадцать один. Он был первым мужчиной, рядом с которым ей не приходилось изображать кого-то интереснее себя. С ним можно было молчать. Можно было болеть. Можно было быть некрасивой утром. Можно было злиться и не бояться, что человек исчезнет. После смерти матери Вера особенно ценила постоянство. Люди не должны исчезать.

Андрей не исчезал. Он был рядом. Всегда. Наверное, поэтому она и вышла за него. Не из-за безумной страсти, хотя страсть тоже была. Не из-за красивых ухаживаний. А потому что рядом с ним впервые после маминой смерти появилось ощущение: этот человек останется. Доверие, думала Вера, и есть возможность не спрашивать. Теперь эта мысль казалась почти наивной. В десять пятнадцать повернулся ключ.

— Девочки, я дома!

Сердце Веры ударило неожиданно сильно. Андрей вошёл на кухню, поставил спортивную сумку возле стены и поцеловал её в щёку.

— Как день?

Она посмотрела на него. Сорок два года. Высокий. Тёмные волосы начали серебриться на висках. Та самая складка между бровями, которая появилась несколько лет назад и почему-то нравилась Вере. На нём была серая футболка, спортивная куртка и джинсы. Совершенно обычный Андрей. Её Андрей. Родной человек. Она знала, как он чихает. Знала, что после душа он всегда забывает закрыть дверцу шкафчика. Что не переносит кинзу. Что любит край хлеба и оставляет середину другим. Что во сне переворачивает подушку холодной стороной вверх. Что перед важным разговором обязательно наливает воду, но почти никогда её не пьёт. Что при сильном волнении трет большим пальцем костяшку указательного. Семнадцать лет. И вдруг — восемь неизвестных ей лет внутри этих семнадцати.

— Нормально, — сказала она.

Андрей открыл холодильник.

— Есть что-нибудь?

Соня подняла голову от телефона.

— Ты же после тренировки не ешь.

Андрей обернулся.

— Кто тебе сказал?

— Ты.

— Когда?

— Не знаю.

Он рассмеялся.

— В этом доме на меня собирают досье.

Вера наблюдала за ним.

— Хорошо поиграли?

— Отлично.

— С кем сегодня?

Его рука на секунду задержалась на дверце холодильника. На одну секунду. Возможно, даже меньше. Раньше Вера никогда бы этого не заметила.

— С Лёшкой.

— С каким Лёшкой?

Теперь он посмотрел на неё.

— Корнеевым. Ты его знаешь.

Она действительно знала. Лёшка Корнеев работал с Андреем несколько лет назад. Они даже дважды вместе ездили на шашлыки.

— А где вы играете?

Андрей улыбнулся.

— Вер, это вопрос?

— Господи, просто спросила.

— В «Сфере».

— А.

Она отвернулась к раковине.

— Что?

— Ничего.

Андрей подошёл сзади и обнял её за талию. Раньше Вера автоматически прислонилась бы к нему. Сегодня тело осталось напряжённым. Он был тёплым. Пах гелем для душа. Не своим. Впрочем, в спортивных клубах всегда есть гель. Она почти рассердилась на себя. Ещё немного — и начнёт исследовать волосы мужа под микроскопом.

— Ты какая-то странная, — сказал Андрей.

— Устала.

— Опять отчёт?

— Угу.

Он поцеловал её в шею. И Вера вдруг почувствовала другой запах. Едва уловимый. Не женские духи. Что-то сухое, старомодное. Лаванда? В детстве у бабушки такие мешочки лежали между постельным бельём. Она высвободилась.

— Мне надо посуду убрать.

Андрей посмотрел внимательнее, но ничего не сказал. Позже они смотрели сериал. Вернее, Андрей смотрел. Вера сидела рядом и думала о женщине. Как она выглядит? Сколько ей лет? Почему говорит таким голосом? И главное — почему восемь лет? Любовница не ждала бы восемь лет, чтобы позвонить жене. Или ждала бы? Вера вдруг представила Андрея с другой женщиной. Чужая спальня. Его руки. Его губы. Та самая улыбка, которой когда-то улыбался ей. Фантазия оказалась настолько физически неприятной, что Вера встала.

— Ты куда?

— Спать.

— Серия не закончилась.

— Досмотри.

В спальне она долго стояла перед зеркалом. Тридцать девять. Не двадцать пять. Тонкие морщинки возле глаз. Тело после беременности давно стало снова стройным, но уже не тем. Она рассердилась. На себя. На всех женщин, которых приучили первым делом искать причину мужской измены в зеркале. Если Андрей изменяет, её морщины здесь ни при чём. Ночью он уснул первым. Вера лежала рядом, глядя в потолок. Телефон Андрея заряжался на тумбочке.

За семнадцать лет она никогда не проверяла его телефон. Даже когда вокруг все это делали. Лариса знала пароль мужа ещё до того, как развелась. Одна коллега установила программу, которая показывала местоположение супруга. Вера всегда считала подобное унижительным. Если человеку нельзя доверять, зачем с ним жить? Она повернулась на бок. Экран телефона был совсем близко. Достаточно протянуть руку. Андрей дышал ровно. Она протянула руку. Остановилась. Вернула. Через минуту снова протянула. Телефон оказался в ладони. Вера знала код. Дата рождения Сони. Экран загорелся. На заставке они втроём. Море. Прошрое лето. Вера вдруг почувствовала себя воровкой.

Хотела положить телефон обратно. Но вспомнила: «Ваш муж каждую среду приходит ко мне. Уже восемь лет». Открыла сообщения. Работа. Соня. Автосервис. Корнеев Алексей. Она нажала. Последняя переписка была вчера. «В пятницу получится?» «После шести». «Ок». Вера пролистала вверх. Ни слова о сквоше. Ни одной среды. Она открыла календарь. Ничего. Фотографии. Работа. Соня. Дача. Море. Какие-то документы. Скриншоты. Смешные фотографии котов, которые Соня иногда отправляла отцу. Она уже собиралась положить телефон обратно, когда увидела альбом. Он назывался просто: «8». Внутри была одна фотография. Старый двухэтажный дом. Серый фасад. Белые наличники. Заросший палисадник. Фотография была сделана восемь лет назад. В среду. Вера увеличила. На втором этаже, за окном, стояла женщина. Лица почти не было видно. Только силуэт. Но даже через мутное стекло Вера заметила одну деталь. Женщина держала руку на груди. На пальце блестело кольцо. Тонкий золотой ободок с маленьким зелёным камнем. Вера машинально посмотрела на собственную руку. Такое же кольцо Андрей подарил ей на десятую годовщину свадьбы.

Она вспомнила ресторан. Свечи. Дождь за окном. Соня ночевала у бабушки. Андрей достал маленькую коробочку и сказал:

— Я хотел, чтобы у тебя было что-то единственное.

— В смысле?

— Такое кольцо только одно.

Она тогда рассмеялась:

— Надеюсь, потому что второго брака у тебя тоже не будет.

Он почему-то не рассмеялся. Вера посмотрела на дату фотографии. Снимок был сделан за два месяца до их годовщины. За два месяца до того, как Андрей подарил ей «единственное» кольцо. Рядом пошевелился Андрей. Вера едва успела выключить экран.

— Ты чего не спишь? — сонно спросил он.

— Воды хотела.

— М-м.

Он перевернулся. Через минуту снова дышал ровно. Вера положила телефон на место. Легла. Закрывает глаза. Перед ней стоял серый дом. Окно второго этажа. Женская рука. Зелёный камень. И впервые за семнадцать лет брака Вера подумала: возможно, она вообще не знает человека, который сейчас спит рядом.

Глава 2. Кольцо

Утром Вера решила, что сошла с ума. Это оказалось самым удобным объяснением. Кольца бывают похожими. Дома бывают чужими. Женщины за окнами — случайными. Телефонные звонки — идиотскими. Мужья — верными. Особенно собственные. Она стояла в ванной перед зеркалом и рассматривала зелёный камень. Кольцо действительно было красивым. Не дорогим в том смысле, в каком любят обсуждать украшения женщины из некоторых её проектов. Небольшой изумруд, тонкая оправка. Вера любила его именно за простоту. Сняла. Внутри была гравировка: «В. Навсегда». Провела пальцем по буквам. Андрей тогда сказал, что кольцо сделали специально для неё. Она верила. Нет. Не так. Ей даже в голову не пришло проверить. Счастливые люди вообще редко занимаются проверкой собственного счастья.

- Мам!
- Что?
- Мы опаздываем!
- Пять минут!

Она надела кольцо обратно. За завтраком Андрей был совершенно обычным. Читал новости. Спорил с Соней из-за оценки по математике. Разлил кофе. Вытер стол не той тряпкой, чем вызвал у Веры автоматическое:

- Андрей, ну она для посуды.
 - Какая разница?
 - Огромная.
- Он улыбнулся.
- Вот за это я на тебе и женился.
 - За тряпки?
 - За системность.

Вера посмотрела на него. Когда человек лжёт восемь лет, меняется ли его лицо? Очевидно, нет. Иначе человечество давно отказалось бы от детекторов лжи. В машине Соня рассказывала о школьном спектакле.

- Мне предлагают главную роль, но я не хочу.
- Почему?
- Потому что там надо целоваться с Данилой.
- Ужас какой.
- Мам!
- А что?
- Ты его видела?
- Нет.
- Вот сначала посмотри.

Вера улыбнулась.

- Значит, если красивый, целоваться можно?
- Господи, я вообще не об этом.
- А о чём?
- Ты меня не слушаешь.
- Слушаю.
- Что я сказала?

Вера задумалась.

- Про Данилу.
- Это было минуты три назад.

Светофор переключился на красный. Вера остановилась.

- Прости. Плохо спала.

Соня внимательно посмотрела.

- Вы с папой поругались?
- Нет.
- Значит, скоро поругаетесь.
- Почему?
- Ты на него утром смотрела как маньяк.
- Очень смешно.
- Я серьёзно.
- Всё нормально.

Соня отвернулась к окну.

- Взрослые всегда говорят «всё нормально» именно тогда, когда всё ненормально.

Фраза неприятно зацепила. Вера высадила дочь у школы и поехала в студию. Их офис располагался на первом этаже старого дома. Большие окна, кирпичная стена, которую Лариса настояла не штукатурить, длинный деревянный стол. Пять лет назад они обе ушли из крупного архитектурного бюро. У Веры тогда дрожали руки. Ипотека. Соня. Стабильная зарплата. Андрей сказал: «Попробуй. Если не получится, ничего страшного». Получилось. Сначала один заказ. Потом три. Через год они наняли первого сотрудника. В обычный день работа спасала Веру от любых мыслей. Сегодня не спасла. Она открыла проект ванной комнаты. Через десять минут обнаружила, что смотрит на одну и ту же стену. В половине одиннадцатого открыла сайт клуба «Сфера». Нашла телефон. Закрывает страницу. Через минуту снова открыла. Позвонила.

— Добрый день. Подскажите, пожалуйста, у вас вчера вечером можно было играть в сквош?

— Вчера?

— Да. Около восьми.

— Нет, к сожалению. Карты закрыты на ремонт с понедельника. Откроемся в пятницу.

Вера почувствовала, как внутри всё опускается.

— А... понятно.

— Хотите забронировать на пятницу?

— Нет. Спасибо.

Она отключилась. Несколько секунд смотрела на телефон. Потом набрала снова.

— Девушка, простите. А ремонт только на этой неделе?

— Да.

— Понятно.

— Что-то ещё?

— Нет.

Значит, это ничего не доказывает. Андрей мог играть в другом месте. Мог перепутать название клуба. Мог встретиться с Лёшкой не на сквоше. Мог... Соврать. Последняя мысль уже не уходила.

— Ты собралась прожечь монитор взглядом?

Лариса поставила перед ней кофе.

— Спасибо.

— Что случилось?

— Ничего.

— Семнадцать лет тебя знаю. Когда у тебя ничего, ты не сидишь полчаса над планом чужой ванной.

Вера закрыла ноутбук. Лариса была единственным человеком, которому она могла рассказать. Они познакомились ещё в институте. Лариса знала Веру до Андрея. Знала её мать только по фотографиям. Знала, как Вера переживала смерть. Знала все семейные кризисы, включая тот великий скандал из-за посудомоечной машины, который спустя десять лет стал семейным анекдотом.

— Лар, если мужчина раз в неделю куда-то уезжает...

— Любовница.

— Я ещё не договорила.

— А зачем?

Вера невольно улыбнулась.

— Ты невозможная.

— Хорошо. Договаривай.

Она рассказала. Сначала только про звонок. Потом про клуб. Потом про фотографию. Когда дошла до кольца, Лариса перестала улыбаться.

— Покажи.

Вера протянула руку. Лариса повертела её кисть.

— Красивое.

— Очень полезное наблюдение.

— Вер, похожих колец тысячи.

— Андрей говорил, что оно сделано на заказ.

— Мужчины много чего говорят, когда дарят украшения.

Вера посмотрела на неё.

— Спасибо.

— Я не это имела в виду.

Лариса села напротив.

— Ты думаешь, у него другая?

— Я ничего не думаю.

— Врёшь.

— Хорошо. Думаю.

— И?

Вера помолчала.

— Я не понимаю, что чувствую.

Это была правда. Если бы ей вчера утром сказали: «Представь, Андрей тебе изменяет», она ответила бы, что уйдёт. Без истерик. Без унижений. Без второго шанса. Но когда измена из абстрактного вопроса превратилась в возможную реальность, всё оказалось иначе. Семнадцать лет нельзя собрать в чемодан за вечер. Там Соня. Первый общий отпуск. Ипотека. Смерть его отца. Её операция. Сотни завтраков. Тысячи разговоров. Привычка класть руку на его спину ночью.

— Позвони той женщине, — сказала Лариса.

— Не отвечает.

— Напиши.

— Что?

— Что хочешь встретиться.

— Она сказала, что не хочет.

— Тогда спроси адрес.

— Зачем?

— Проверишь, тот ли это дом.

— Лариса, я не собираюсь превращаться в психопатку, которая следит за мужем.

— Уже превратилась. Ты ночью залезла в его телефон.

Это прозвучало неприятно. Потому что было правдой. Вера взяла телефон. Открыла контакт «Среда». Написала: «Я хочу поговорить». Ответ пришёл почти сразу. «Я не могу». Вера быстро напечатала: «Тогда зачем вы мне позвонили?» Долго ничего. Потом появились три точки. Исчезли. Появились снова. «Чтобы вы остановили его». Вера почувствовала холод. «Остановила от чего?» Ответа не было. Она написала: «Кто вы?» Тишина. «Что происходит по средам?» Ничего. Последнее: «Вы его любовница?» На этот раз женщина ответила. «Нет». Через несколько секунд появилось ещё одно сообщение: «Если бы я была его любовницей, всё было бы гораздо проще». Лариса прочитала через плечо.

— Весело.

— Очень.

— Покажи фотографию дома.

Вера открыла снимок, который ночью переслала себе. Лариса увеличила.

— Номер видно.

Вера наклонилась. На калитке действительно была маленькая табличка. 47.

— Улица неизвестна.

— Можно поискать по картинке.

— Не надо.

— Вер.

— Я сказала, не надо.

Лариса посмотрела на неё и неожиданно спросила:

— Ты боишься узнать или боишься ошибиться?

Вера не ответила. Потому что не знала. В шесть вечера Андрей написал: «Буду поздно. Не ждите». Четверг. Не среда. Почему-то от этого стало ещё хуже. Она ответила: «Хорошо». В половине девятого они с Соней заказали пиццу.

— А папа?

— На работе.

— Опять?

— Что значит «опять»?

— В последнее время часто.

Вера медленно положила кусок пиццы.

— Часто?

— Ну да.

— Насколько?

Соня пожала плечами.

— Не знаю. Я статистику не веду.

— Сонь.

— Мам, ты опять странная.

— Просто спросила.

— Взрослые вообще замечательные. Сначала ничего не замечают, потом начинают замечать всё.

В одиннадцать Андрей всё ещё не вернулся. Соня ушла спать. Вера сидела на диване. Она могла позвонить. Не звонила. В 23:37 входная дверь открылась. Андрей вошёл тихо.

— Не спишь?

— Как видишь.

— Задержался.

— Где?

Он снял куртку.

— На работе.

— До половины двенадцатого?

— Бывает.

Вера смотрела. Он устало улыбнулся.

— Что?

— Ничего.

— Опять это «ничего».

Он подошёл.

— Вер, у нас проблемы?

Вот он. Момент. Можно спросить. Кто эта женщина? Куда ты ездишь по средам? Почему врёшь про сквош? Кому принадлежит второе кольцо? Но если спросить сейчас, всё закончится. Он найдёт объяснение. Правдивое или нет. А она больше ничего не узнает.

— Нет, — сказала Вера. — Просто устала.

Андрей кивнул. И вдруг сделал то, чего она совсем не ожидала. Снял обручальное кольцо. Положил на тумбу.

— Что ты делаешь?

— Руки опухли. Сегодня весь день мешает.

Он ушёл в ванную. Вера смотрела на кольцо. За семнадцать лет она сотни раз держала его руку. Но само кольцо почти никогда не снимала с его пальца. Она подняла его. Внутри была гравировка. Одна буква. Вера поднесла ближе к лампе. «М». Она услышала воду в ванной. Сжала кольцо. М. Не «В». Не «А». М. Когда Андрей вернулся, кольцо снова лежало на тумбе. Вера уже была в постели.

— Спишь?

— Почти.

Он лёг рядом. Через несколько минут его ладонь привычно легла ей на талию. Вера смотрела в темноту. Теперь у тайны было имя. Или хотя бы первая буква.

Глава 3. Дом номер сорок семь

Следующие шесть дней Вера прожила как будто в двух жизнях. В первой всё оставалось прежним. Она работала. Готовила ужин. Отвезла Соню к стоматологу. В субботу они втроём ездили выбирать дочери кроссовки. В воскресенье Андрей починил дверцу кухонного шкафа, которую собирался починить полгода. Они даже смеялись. И несколько раз Вера почти убеждала себя, что всё это глупость. Во второй жизни она считала дни до среды. Проверяла время. Наблюдала за Андреем. Запоминала каждую мелочь. В понедельник он долго разговаривал по телефону на балконе. Оказалось — с мастером из автосервиса. Во вторник пришёл домой с цветами. Вера почувствовала приступ почти животного подозрения.

— Это зачем?

— В смысле?

— Цветы.

— Купил.

— Почему?

Андрей рассмеялся.

— Я что-то пропустил? Теперь для цветов нужно письменное обоснование?

Раньше она бы обрадовалась. Теперь подумала: чувство вины. И тут же возненавидела себя за эту мысль. К среде она устала больше, чем после самой тяжёлой рабочей недели. В этот день Вера научилась врать. Оказалось, ничего сложного.

— У меня встреча с заказчиком.

— Хорошо.

— Вернусь поздно.

— Хорошо.

— Соню заберёшь?

— Конечно.

Андрей стоял у зеркала и застёгивал часы. Спортивная сумка лежала у двери. Вера пила кофе.

— Ты сегодня играешь?

— Как обычно.

— В «Сфере»?

Пауза была почти незаметной.

— Да.

— Удачной игры.

— Спасибо.

Он подошёл и поцеловал её. Не в щёку. В губы. Нормально. Тепло. Как муж целует жену, с которой прожил семнадцать лет. На секунду Вере захотелось обнять его и сказать: «Не езжай». Не потому, что женщина попросила остановить. Потому что если он останется, можно будет представить, что ничего нет. Но Андрей взял сумку.

— До вечера.

— До вечера.

Дверь закрылась. Вера подошла к окну. Увидела, как он вышел из подъезда. Положил сумку в багажник. Сел в машину. Она дала ему пять минут. Лариса ждала во дворе на новой машине.

— Последний шанс передумать, — сказала Вера.

— Ты серьёзно думаешь, что я пропущу такое?

— Это моя семья, а не сериал.

Лариса перестала улыбаться.

— Именно поэтому я здесь.

Они поехали за Андреем. Вера чувствовала себя нелепо. В дешёвом детективе обязательно пошёл бы дождь. Здесь не было дождя. Был тёплый сентябрьский вечер. Люди сидели на верандах кафе. Молодая пара ругалась возле остановки. Мужчина нёс огромный букет. Кто-то выгуливал таксу в красном комбинезоне. Мир совершенно не интересовало, что у Веры, возможно, рушится жизнь.

— Не приближайся, — сказала она.

— Я смотрю фильмы.

— Лариса.

— Поняла.

Андрей ехал через центр. Потом свернул в старую часть города. Здесь Вера бывала редко. Низкие дома. Старые липы. Узкие улицы. Когда-то этот район считался престижным, потом центр сместился, появились новые кварталы, и старые особняки начали медленно ветшать.

— Он точно не заметит машину?

— Андрей не знает мою новую.

— Отлично. Я официально сумасшедшая.

— Пока нет. Вот если купим парики — тогда да.

— Лариса.

— Молчу.

Через двадцать минут Андрей остановился. Вера узнала дом сразу. Это было странно. Она видела его только на фотографии, но ощущение оказалось почти таким, словно дом уже приходил к ней во сне. Серый фасад. Белые наличники. Палисадник. Номер 47.

— Это он? — спросила Лариса.

— Да.

Андрей вышел. Открыл багажник. Достал спортивную сумку. Лариса тихо присвистнула.

— Реквизит.

Вера почувствовала боль. Не острую. Тупую. Потому что именно эта сумка много лет была доказательством. Она стояла в прихожей каждую среду. Иногда Вера сама убирала её. Иногда стирала спортивную форму.

— Зачем он её берёт?

— Чтобы ты видела дома.

— Восемь лет?

— Похоже.

Андрей открыл калитку. Не позвонил. Не постучал. Просто вошёл. Будто имел ключ.

— Я пойду.

— Куда?

— Туда.

— Ты с ума сошла?

— Возможно.

Вера вышла из машины. Лариса выругалась и последовала за ней.

— Если нас арестуют, я скажу, что ты меня заставила.

- Хорошо.
- Нет, серьёзно.
- Лар, тихо.

Дом стоял в глубине участка. В одном окне первого этажа горел свет. Шторы были неплотно закрыты. Вера подошла ближе. Увидела Андрея. Он стоял спиной. Напротив — женщина. Очень пожилая. Невысокая. Худенькая. Седые волосы собраны на затылке. Не любовница. Во всяком случае, Вера очень надеялась. Женщина что-то сказала. Андрей покачал головой. Потом сел. Она поставила перед ним чашку.

- И что? — прошептала Лариса.
- Не знаю.
- Может, психолог?
- В жилом доме?
- Люди работают дома.
- Восемь лет?
- Психолог как раз логичнее любовницы.

Вера почти улыбнулась. Но Андрей не выглядел человеком на приёме у психолога. Он выглядел как человек, который пришёл домой. Через несколько минут пожилая женщина ушла из комнаты. Андрей остался один. Он не пил чай. Просто сидел. Смотрел на лестницу. Прошло пять минут. Десять. Пятнадцать.

- Может, ждёт кого-то? — прошептала Лариса.

Вера посмотрела на неё. В этот момент Андрей поднялся. Подошёл к лестнице. Начал подниматься на второй этаж. Вера перестала дышать. Второй этаж. То самое окно. То самое место, где восемь лет назад стояла женщина с кольцом.

- Вер...
- Я должна увидеть.
- Нет.
- Должна.

Она обошла дом. Сбоку росла старая яблоня. За ней начиналась узкая дорожка. Окно второго этажа загорелось. Вера подняла голову. Появился Андрей. Стоял точно там, где на фотографии стояла женщина. Потом сделал шаг в сторону. Вера увидела часть комнаты. Старые обои. Шкаф. На стене — фотографии. Много. Андрей подошёл к ним. Протянул руку. Снял одну. Долго смотрел. Потом прижал фотографию к груди. Вера не могла пошевелиться. Андрей плакал. За семнадцать лет она видела его плачущим дважды. Когда умер его отец. И когда родилась Соня. В роддоме он тогда стоял с маленьким свёртком на руках, совершенно растерянный, и слёзы текли по лицу. Он даже не вытирал их. Вера никогда этого не забывала. Сейчас её муж стоял в чужом доме с чужой фотографией и плакал так, словно потерял кого-то вчера. Ревность исчезла. На её месте появилось нечто гораздо более страшное. Что нужно потерять, чтобы оплакивать это восемь лет? Вера отступила. Под ногой хрустнула ветка. Андрей резко повернулся к окну.

- Уходим, — прошептала Лариса.
- Они побежали. Возле машины Вера поняла, что дрожит.
- Кто это? — спросила Лариса.
- Не знаю.
- Может, родственница?
- Я знаю его родственников.
- Может, не всех.

Телефон Веры завибрировал. Сообщение. «Среда». «Зачем вы приехали?» Вера застыла. Подняла голову. В окне первого этажа стояла пожилая женщина. Смотрела прямо на неё. Вера напечатала: «Вы мне позвонили». Ответ: «Я просила остановить его, а не приходить сюда».

«Что он делает?» Женщина долго смотрела на экран. Потом на Веру. Телефон снова завибрировал. «Ждёт». Вера написала: «Кого?» Ответ пришёл почти сразу. «Женщину, которая умерла двадцать три года назад». Лариса прочитала.

— Что за чёрт?

Вера не ответила. Наверху погас свет. Через минуту открылась входная дверь. Андрей вышел. Они пригнулись. Он дошёл до машины. Постоял возле неё. Посмотрел на дом. И Вера увидела его лицо. Совсем другое. Такого Андрея она не знала. Он выглядел старше. И совершенно одиноким. В этот момент ей впервые пришла страшная мысль. Возможно, женщина была права. Возможно, дело не в измене. И Вера вдруг почти захотела, чтобы у мужа действительно была любовница. Потому что любовницу она хотя бы понимала.

Глава 4. Женщина на фотографии

— Значит, он псих.

Лариса произнесла это без тени иронии. Они сидели в круглосуточной кофейне. Перед Верой остывал капучино.

— Не говори ерунды.

— Мужчина восемь лет каждую среду приезжает ждать умершую женщину.

— Мы не знаем, что она имела в виду.

— А что ещё это может значить?

— Не знаю.

— Вот именно.

Вера посмотрела на телефон. Андрей написал: «Закончил. Еду домой». Закончил. Что именно? Ждать мёртвую женщину?

— Может, она была его первой любовью, — сказала Лариса.

Её взгляд остановился на ней.

— Андрей никогда не рассказывал про первую любовь.

— А ты спрашивала?

Нет. Они познакомились взрослыми. Про бывших говорили мало. У Веры до Андрея было несколько коротких романов. У него наверняка тоже кто-то был. Это никогда не казалось важным. Прошное существовало до них. Так почему теперь прошлое сидит в доме номер сорок семь и забирает у неё мужа каждую среду?

— Я хочу поговорить с этой женщиной.

— Сегодня?

— Нет. Без Андрея.

— А если не согласится?

— Согласится.

— Почему?

Вера впервые за вечер улыбнулась.

— Потому что сама начала.

На следующий день она позвонила. Женщина ответила после шестого гудка.

— Я знала, что вы позвоните.

— Как вас зовут?

— Тамара Сергеевна.

— Я хочу встретиться.

— Я же сказала...

— Нет. Теперь мои условия.

Тишина. Вера сама удивилась своему голосу.

— Вы нашли мой номер. Позвонили. Рассказали про мужа. Вчера наблюдали, как я стою у вашего дома. Поэтому либо мы встречаемся и вы объясняете всё, либо вечером я рассказываю Андрею о нашем разговоре.

— Не надо.

Первый настоящий страх в голосе женщины.

— Почему?

— Приезжайте завтра в одиннадцать.

— Хорошо.

— Одна.

Вера приехала в 10:53. Она всегда приезжала раньше. Андрей смеялся, что если Вера когда-нибудь решит опоздать, случится конец света. Семь минут сидела в машине. Смотрела на дом. Днём он выглядел менее загадочным. Просто старый дом. На клумбе цвели поздние розы. На подоконнике первого этажа лежал рыжий кот. Калитка скрипнула. Тамара Сергеевна открыла сразу. Вблизи она выглядела старше, чем через окно. Наверное, за семьдесят. Очень светлые глаза. Тонкие руки.

— Проходите.

В прихожей Вера автоматически отметила старый паркет, деревянные панели, неудачно покрашенный потолок. Профессиональная привычка. Дом был красивым. Запущенным, но красивым. И пах лавандой. Той самой. Вера вспомнила запах на коже Андрея. Значит, он действительно оставался здесь достаточно долго, чтобы пропахнуть домом.

— Чай?

— Нет.

— Андрей всегда пьёт.

— Я не Андрей.

Старуха посмотрела на неё.

— Нет. Конечно.

В этих двух словах было что-то странное. Будто она сравнивала. Они сели в гостиной. На стенах висели фотографии. Вера старалась не рассматривать слишком явно.

— Кто эта женщина?

— Какая?

— Не надо.

Вера положила телефон на стол и открыла фотографию дома.

— Кто стоял в окне?

Тамара Сергеевна посмотрела. Лицо изменилось.

— Откуда это у вас?

— Из телефона мужа.

— Он сохранил...

Женщина оборвала себя.

— Кто она?

— Мария.

Буква «М». Вера вспомнила кольцо Андрея.

— Мария кто?

— Просто Мария.

— У моего мужа на обручальном кольце буква «М».

Тамара Сергеевна побледнела.

— На каком кольце?

— На обручальном.

— Покажите.

— Его сейчас нет со мной.

— Вы уверены?

— Я умею читать одну букву.

Женщина встала. Подошла к окну. За стеклом ветер шевелил ветви яблони.

— Этого не должно быть.

— Чего?

— Ничего.

Вера почувствовала злость.

— Я начинаю ненавидеть это слово.

Тамара Сергеевна обернулась.

— Какое?

— «Ничего». Все вокруг говорят, что ничего не происходит, а мой муж восемь лет ездит в этот дом.

Женщина опустила глаза.

— Тамара Сергеевна, хватит.

Вера тоже встала.

— Мой муж врёт мне. У вас есть фотография женщины, которую он оплакивает. Каким-то образом у неё было такое же кольцо, как у меня. Я хочу знать, кем она была Андрею.

— Никем.

— Что?

— Она не была его любовницей.

— Тогда почему он...

— Потому что дал обещание.

— Кому?

— Ей.

— Какое?

— Этого я вам не скажу.

Вера рассмеялась. Нервно. Зло.

— Замечательно. Тогда я пойду.

Она взяла сумку.

— Вера.

Остановилась. До этого женщина ни разу не называла её по имени. Медленно повернулась.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

Тамара Сергеевна закрыла глаза. Ошибка. Обычная человеческая ошибка. Но Вера сразу поняла: перед ней человек, который знает о ней гораздо больше, чем должен.

— Андрей рассказывал.

— Обо мне?

— Иногда.

— Что именно?

— Что вы хорошо рисуете.

Вера молчала.

— Что любите старые дома.

— Это можно узнать от Андрея.

— Конечно.

— Ещё?

Женщина замялась.

— Что боитесь грозы.

У Веры похолодели руки.

— Я не боюсь грозы.

— Теперь — нет.

Тишина. Тамара Сергеевна поняла, что сказала. Вера тоже.

— Что значит «теперь»?

— Ничего.

— Откуда вы знаете, чего я боялась раньше?

Женщина молчала.

— Мы раньше встречались?

— Нет.

— Вы знали моих родителей?

Молчание. Вот оно. Вера почувствовала раньше, чем услышала ответ.

— Вы знали мою мать?

Тамара Сергеевна медленно села.

— Вам пора.

— Вы знали её?

— Уходите.

— Моя мать умерла двадцать три года назад.

Женщина закрыла лицо руками. Двадцать три года. Точно столько же, сколько прошло после смерти женщины, которую Андрей продолжал ждать.

— Мария...

Голос Веры дрогнул.

— Мария — моя мать?

Тамара Сергеевна убрала руки.

— Уходите.

— Ответьте!

— Уходите!

— Мою мать звали Елена!

— Я знаю.

Вера застыла.

— Что?

Тамара Сергеевна тоже замерла. Ещё одна ошибка.

— Вы сказали «я знаю».

— Вера...

— Откуда?

— Вам лучше уйти.

— Я никуда не уйду.

— Тогда я вызову...

— Полицию? Отлично. Расскажем им, почему вы нашли мой номер и позвонили мне.

Они смотрели друг на друга. Наконец женщина отвернулась.

— Некоторые вещи нельзя исправить правдой.

— А ложью можно?

Тамара Сергеевна ничего не ответила. Вера взяла сумку.

— Хорошо.

На этот раз её не остановили. Она вышла. Села в машину. Долго не могла вставить ключ. Маму звали Елена. Елена Павловна Соколова. Не Мария. Это невозможно. Вера помнила мать. Не очень много. Ей было шестнадцать, когда мама умерла. Конечно, она помнила. Смех. Руки. Запах духов. Как мама ругалась, если Вера разбрасывала вещи. Как однажды всю ночь сидела возле её кровати при температуре. Как запрещала красить волосы. Как они страшно поссорились за три дня до смерти. Последнее воспоминание всплыло особенно отчётливо. Вера кричала: «Ненавижу тебя!» Мама ответила: «Когда-нибудь поймёшь». Через три дня её не стало.

Вера годами носила эту последнюю ссору внутри. Нет. Никакая Мария не могла быть её матерью. Телефон зазвонил. Андрей. Она не ответила. Он позвонил снова. Сообщение: «Ты где?» Вера посмотрела на дом. Тамара Сергеевна стояла за занавеской. И тут Вера увидела портрет. Он висел в прихожей. Большой. С улицы его было видно через внутреннюю дверь. Она вышла из машины. Вернулась. Входная дверь оказалась незапертой.

— Вера, нет!

Она уже вошла. Подошла к портрету. Молодая женщина лет тридцати. Тёмные волосы. Светлые глаза. Незнакомое лицо. Вера почувствовала почти облегчение. Не мама. Конечно, не мама.

— Это Мария?

Тамара Сергеевна стояла за спиной.

— Да.

— Я её не знаю.

— Знаете.

— Нет.

— Вы просто не можете её помнить.

Вера повернулась.

— Почему?

Женщина посмотрела на портрет.

— Потому что в последний раз вы видели её, когда вам было пять лет.

Вера почувствовала, как пол словно становится мягким.

— Мне было шестнадцать, когда умерла мама.

— Елена — да.

— Что это значит?

Тамара Сергеевна подошла к двери. Открыла.

— Уходите.

— Кто такая Мария?

— Я уже сказала слишком много.

— Она мне родственница?

Молчание.

— Она моя мать?

Тамара Сергеевна посмотрела на Веру. В её глазах появилось нечто похожее на жалость.

— Иногда женщина, которая тебя родила, и женщина, которая стала твоей матерью, — не один и тот же человек.

Вера не помнила, как вышла из дома.

Глава 5. Максим

Она ехала куда глаза глядят. Навигатор был выключен. Телефон звонил. Сначала Андрей. Потом Лариса. Потом снова Андрей. Вера никому не отвечала. Наконец остановилась возле небольшого парка. Заглушила двигатель. Сидела, положив руки на руль. Ей было пять. Она пыталась вспомнить пять лет. Память сопротивлялась. Кусочки. Жёлтая куртка. Красные санки. Запах мокрых варежек. Мама сушит волосы феном. Отец собирает на кухне табурет. Детский сад. Девочка Катя с заколками-бабочками. Но это всё позже? Или раньше? Когда человеку тридцать девять, первые годы жизни превращаются в фотографии, которые мозг выдаёт за воспоминания. Вера вдруг не могла понять, что действительно помнит, а что знает по семейным альбомам. Мария. Никакой Марии. Она открыла фотографию портрета. Успела снять перед уходом. Смотрела долго. Незнакомая женщина. Красивой её назвать было трудно. Скорее необычной. Большие светлые глаза. Чуть асимметричная улыбка. Почему-то хотелось уве-

личить глаза. В них было что-то... Нет. Так можно увидеть сходство с кем угодно, если достаточно долго искать. Вера закрыла фотографию. Позвонила отцу.

Он жил в другом городе, в двухстах километрах. После смерти Елены женился снова. Сначала Вера восприняла это как предательство. Потом выросла и поняла: живым приходится жить. Отношения у них были нормальные. Но не близкие.

— Верочка?

— Пап, привет.

— Что случилось?

— Почему сразу случилось?

— Ты звонишь мне в рабочий день.

— Ты уже десять лет не работаешь.

— Именно. Поэтому рабочий день у тебя.

Она улыбнулась. Отец умел сделать это одним предложением.

— Пап, можно странный вопрос?

— Давай.

— Ты знаешь женщину по имени Мария?

Пауза. Совсем короткая. Но за последнюю неделю Вера стала специалистом по паузам.

— Какую Марию?

— Не знаю.

— Тогда откуда я должен знать?

— Она умерла двадцать три года назад.

Теперь молчание длилось дольше.

— Пап?

— Откуда ты взяла это имя?

Вера закрыла глаза.

— Значит, знаешь.

— Вера...

— Кто она?

— Тебе Андрей что-то сказал?

Она открыла глаза. Мимо машины прошла молодая женщина с коляской.

— Причём здесь Андрей?

Отец молчал.

— Папа.

— Не по телефону.

Та же фраза. Как у Тамары Сергеевны.

— Вы что, все сговорились?

— Я приеду.

— Когда?

— Завтра.

— Просто ответить.

— Завтра, Вера.

— Она моя мать?

На другом конце стало так тихо, что Вера подумала: связь оборвалась.

— Пап?

— Кто тебе это сказал?

— Значит, да?

— Я ничего не сказал.

— Именно.

— Верочка, пожалуйста. До завтра.

Он отключился. Она ударила ладонью по рулю. Один раз. Второй. Потом положила голову на руки. Всю жизнь можно потерять за один день, даже если физически ничего не изменилось. Дом тот же. Муж тот же. Отец тот же. Ты сама та же. Только история, которую ты рассказывала себе о собственной жизни, вдруг оказывается чужой. Кто-то постучал в стекло. Вера вздрогнула. За окном стоял мужчина. Лет сорока. Может, чуть меньше. Тёмная куртка. Короткие русые волосы. Незнакомый. Она опустила стекло сантиметров на пять.

— Что вам нужно?

— Вы Вера?

Она сразу подняла стекло. Мужчина показал пустые ладони.

— Подождите.

Вера завела двигатель. Он отступил. Она могла уехать. Нужно было уехать. Вместо этого снова приоткрыла окно.

— Кто вы?

— Максим.

— Поздравляю.

Он неожиданно улыбнулся. Улыбка изменила его лицо. До этого мужчина казался жёстким. Теперь стал моложе.

— Тамара Сергеевна сказала, что вы можете...

— Тамара Сергеевна?

Улыбка исчезла.

— Да.

— Отойдите от машины.

— Вера, я не хочу вас пугать.

— Поздно.

— Я просто хочу поговорить.

— Сегодня все хотят со мной поговорить и никто ничего не говорит.

Максим посмотрел несколько секунд.

— Тогда я скажу.

— Что?

— Андрей вам врёт.

Вера рассмеялась.

— Это уже не новость.

— Не только про среды.

— А вы откуда знаете моего мужа?

— Давно знаю.

— Он вас знает?

— Нет.

Это заставило её посмотреть внимательнее.

— Очень интересно.

— Можно я сяду?

— Нет.

— Хорошо.

Он остался стоять. Это почему-то понравилось Вере. Не стал настаивать. Не начал изображать оскорблённое достоинство.

— Мария была моей...

Он замолчал.

— Кем?

— Человеком, которому моя семья многим обязана.

— Очень содержательно.

— Больше пока не могу сказать.

— Тогда до свидания.

— У вас есть фотография?

Вера замерла.

— Какая?

— Марии.

— Откуда вы знаете?

— Тамара Сергеевна позвонила мне после вашего ухода.

— Замечательно. У вас там клуб по интересам?

— Покажите.

— Нет.

— Вера, пожалуйста.

Что-то изменилось в его голосе. Она не понимала почему, но достала телефон. Нашла снимок. Показала через стекло. Максим смотрел несколько секунд.

— Это не Мария.

— Что?

— Женщина на портрете — не Мария.

Вера почувствовала раздражение.

— Мне сказали обратное.

— Тамара Сергеевна соврала.

— Почему?

— Потому что испугалась.

— Чего?

Максим наклонился немного ближе.

— Того, что вы увидите настоящее фото.

Вера смотрела.

— Вы можете хотя бы раз сказать что-нибудь нормально?

Он достал телефон. Несколько движений пальцем. Повернул экран.

— Вот Мария.

Вера увидела старую фотографию. Три человека возле озера. Молодой мужчина. Девушка. И женщина лет тридцати. Светлое платье. Ветер растрепал волосы. Женщина смеялась, отвернув голову от камеры. Вера перестала дышать. Она знала это платье. На одной из немногочисленных фотографий её детства мать была именно в нём.

— Нет.

— Вера...

— Нет.

Она опустила стекло полностью. Взяла телефон Максима. Увеличила снимок. Лицо. Моложе. Счастливее. Но ошибки быть не могло. Елена Павловна Соколова. Её мать.

— Её звали не Мария.

Максим ничего не сказал.

— Мою маму звали Елена.

— Я знаю.

— Тогда почему...

Вера посмотрела на него.

— Кто такая Мария?

— Это имя, которое она использовала раньше.

— Раньше чего?

— Раньше вашей семьи.

— Что за бред?

— Хотел бы я, чтобы это был бред.

Вера снова посмотрела на фотографию. И заметила второго человека. Молодого мужчину. Лет двадцати. Увеличила. Разрез глаз. Линия бровей. Подбородок.

— Это Андрей?

— Да.

Телефон едва не выпал.

— Но это невозможно.

— Почему?

— Потому что Андрей сказал, что впервые увидел мою мать на нашей свадьбе.

Максим смотрел спокойно.

— Значит, соврал.

— Сколько ему здесь?

— Девятнадцать.

Вера посчитала. Фотографии двадцать три года. Андрею сорок два. Девятнадцать. Всё совпадало.

— Откуда у вас эта фотография?

— Она принадлежала моей матери.

— Ваша мать тоже знала мою?

— Да.

— И Андрея?

— Да.

— А вы?

— Тогда мне было одиннадцать.

— Вы знали меня?

Максим задержался с ответом.

— Нет.

Вера почувствовала: ложь. Не знала почему. Просто почувствовала.

— Вы врётё.

— Я вас не знал лично.

— А не лично?

Он отвёл взгляд. Первый раз за разговор.

— Слышал о вас.

— От кого?

— Потом.

— Ненавижу это слово.

— Понимаю.

— Нет. Вы ничего не понимаете.

Она снова посмотрела на фотографию. На третьего человека. Девушку примерно возраста Андрея. Лицо видно плохо.

— Кто это?

Максим забрал телефон.

— Сейчас неважно.

— Для меня теперь всё важно.

Он помолчал.

— Хорошо. Её звали Алиса.

— И?

— Она была сестрой Андрея.

Вера нахмурилась.

— У Андрея нет сестры.

— Теперь нет.

— Она умерла?

— Да.

— Когда?

Максим посмотрел прямо на неё.

— В ту же ночь, что и ваша мать.

Несколько секунд Вера просто смотрела.

— Они погибли вместе?

— Да.

— Как?

— Спросите Андрея.

— Я спрашиваю вас.

— А я хочу, чтобы хотя бы это он рассказал сам.

— Почему?

— Потому что мне интересно, какую версию он выберет.

От этих слов стало не по себе.

— Вы ненавидите моего мужа?

Максим задумался.

— Нет.

— Тогда что?

— Я ему не доверяю.

— Почему?

— Потому что двадцать три года назад он уже один раз решил, что имеет право выбрать правду за других.

Вера не успела спросить. Максим отступил.

— Вам лучше ехать домой.

— Не указывайте мне.

— Не указываю.

— Тогда зачем пришли?

Он посмотрел на неё странно. Не как мужчина на женщину. Скорее как человек, который очень долго представлял эту встречу и теперь не знает, что делать с реальностью.

— Хотел увидеть вас.

— Зачем?

— Убедиться.

— В чём?

Максим едва заметно улыбнулся.

— Что вы совсем на неё не похожи.

— На кого?

Но он уже отступил.

— На Марию.

--- Дома Андрей готовил ужин. Вера остановилась в прихожей. Из кухни играла музыка. Старая французская песня. Он иногда включал её по вечерам. Раньше Вера думала, что она ему просто нравится. Теперь хотелось знать, кто показал её ему впервые.

— Ты пришла! — крикнул Андрей. — Мой руки, у нас паста.

Она сняла туфли. Посмотрела на спортивную сумку возле шкафа. На собственную руку. На кольцо с зелёным камнем. Вошла на кухню. Андрей стоял у плиты.

— Попробуй соус.

Он протянул ложку. Вера не взяла.

— Ты знал мою мать до нашей свадьбы?

Ложка застыла. Музыка продолжала играть. Андрей медленно положил ложку.

— Что?

— Вопрос простой.

— С чего ты...

— Ты знал Елену Павловну до нашей свадьбы?

Он посмотрел. И Вера увидела то, чего не видела семнадцать лет. Страх. Настоящий.

— Кто тебе сказал?

Внутри что-то окончательно сломалось. Не потому, что он признался. Потому что не спросил: «О чём ты говоришь?» Он спросил: «Кто тебе сказал?»

— Значит, знал.

Андрей выключил плиту.

— Вер, давай сядем.

— Не хочу.

— Это сложная история.

— Прекрасно. У меня свободный вечер.

— Соня дома?

— Нет.

Он выдохнул.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Что её нет.

Новый страх.

— Причём здесь Соня?

— Ни при чём.

— Тогда зачем спросил?

— Потому что она не должна слышать наш разговор.

— Какой разговор?

Андрей потёр большим пальцем костяшку указательного. Старая привычка. Только теперь Вера впервые подумала: сколько раз он делал это, когда лгал ей?

— Я действительно знал твою маму.

— Насколько хорошо?

— Достаточно.

— Вы были любовниками?

— Господи, нет!

Слишком быстро. Слишком искренне. Вера поверила. И почему-то от этого стало страшнее.

— Тогда кто она тебе?

Андрей сел. Провёл руками по лицу.

— Человек, которому я обязан жизнью.

Почти те же слова, которые Максим сказал о своей семье.

— Что произошло двадцать три года назад?

Андрей поднял голову.

— Откуда ты знаешь про двадцать три года?

— Ответь.

— Кто с тобой разговаривал?

— Тамара Сергеевна.

Он побледнел.

— Ты была в доме?

— Была.

- Зачем?
- Хотела познакомиться с твоим сквошем.
- Чёрт.
- Он встал. Прошёл к окну. Вернулся.
- Что она тебе рассказала?
- Недостаточно.
- Что именно?
- Про Марию.
- Андрей замер.
- Какую Марию?
- Вот и я спросила.

Вера достала телефон. Открыла фотографию, которую Максим переслал ей. Положила перед мужем. Андрей увидел. Закрыв глаза.

- Откуда у тебя это?
- Неважно.
- Очень важно.
- Кто такая Мария?
- Вера...
- Почему Тамара назвала мою мать Марией?
- Андрей долго смотрел на снимок.
- Потому что так её звали.

Вера молчала.

- Мою мать звали Елена.
- Женщину, которая тебя воспитывала, — да.

Мир не рухнул. Это было бы слишком красиво. Не зазвенели стёкла. Не погас свет. Не остановилась музыка — песня закончилась ещё минуту назад. Просто за спиной тихо загудел холодильник.

- Что ты сказал?
- Андрей поднялся.
- Я не должен был говорить вот так.
- Повтори.
- Вер...
- Повтори!

Он подошёл. Она отступила.

- Не трогай меня.

Андрей остановился.

- Елена Павловна была твоей мамой. Во всех смыслах, которые имеют значение.
- А в каком смысле не была?

Молчание.

- Андрей.
- Она тебя не рожала.

Вера посмотрела на фотографию. На женщину в светлом платье. На молодого Андрея рядом.

- Тогда кто меня родил?
- Он не ответил. Этого оказалось достаточно.
- Ты знаешь.
- Андрей отвернулся.
- Ты знаешь, кто моя настоящая мать.
- Вера...

— Она умерла?

Он долго молчал.

— Нет.

Вера перестала слышать комнату.

— Она жива?

— Насколько мне известно.

— Где?

— Этого я тебе не скажу.

Она смотрела на человека, с которым прожила семнадцать лет.

— Почему?

Андрей поднял глаза.

— Потому что я обещал твоей матери, что ты никогда её не найдёшь.

— Какой матери?

Он не ответил.

— Елене?

Молчание.

— Или той, которая меня родила?

Снова молчание.

— Господи, Андрей...

Вера отошла. Ей вдруг стало мало воздуха. Она открыла окно. С улицы ворвался шум машин.

— Ты знал это, когда познакомился со мной?

Андрей ничего не сказал. Она резко обернулась.

— Когда мы познакомились, ты уже знал, кто я?

— Да.

Одно слово. Оно оказалось хуже всех предыдущих.

— Значит, ты познакомился со мной не случайно.

— Всё не так.

— А как?

— Я увидел тебя случайно.

— Но знал, кто я.

— Да.

— И ничего не сказал.

— Я не мог.

— Потом начал встречаться со мной.

— Вера...

— Женился.

— Я люблю тебя.

— Не произноси сейчас это слово.

Он замолчал.

— Семнадцать лет, Андрей.

— Знаю.

— Нет, не знаешь.

Она чувствовала, как злость наконец вытесняет шок.

— Ты каждое утро просыпался рядом со мной и знал то, чего не знала я сама.

— Я пытался защитить тебя.

Вера рассмеялась.

— Конечно.

— Это правда.

— Все мужчины, которые лгут женщинам, почему-то делают это исключительно ради их защиты.

— Здесь другое.

— Что другое?

— Ты не знаешь всей истории.

— Так расскажи!

Он сжал губы.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что обещал.

— Мёртвой женщине?

Андрей вздрогнул. Вера увидела.

— Значит, Елене.

Он отвернулся.

— Что она попросила?

— Вера, пожалуйста.

— Что моя мать попросила тебя скрыть от меня?

На столе завибрировал телефон. Сообщение от Максима. «Андрей начал вам рассказывать?» Вера посмотрела на мужа. Потом на экран. Следующее сообщение: «Не верьте ему полностью». И третье: «Он не знает главного». Андрей заметил её лицо.

— Кто пишет?

Вера перевернула телефон экраном вниз.

— Никто.

Слово прозвучало почти смешно. Первое маленькое враньё в ответ на его огромное.

— Вер...

— Я сегодня переночую у Ларисы.

— Не надо.

— Почему?

— Нам нужно поговорить.

— Семнадцать лет у тебя было.

Она пошла в спальню. Андрей последовал.

— Вера.

— Не сейчас.

— Ты не понимаешь.

Она достала сумку. Бросила несколько вещей.

— Именно это я пытаюсь тебе объяснить. Я вообще ничего не понимаю. Кто такая Мария. Почему моя мать носила другое имя. Почему ты знал её в девятнадцать. Почему твоя сестра погибла вместе с ней. Почему ты восемь лет едешь в этот дом. Почему на твоём кольце буква «М». Почему у женщины на фотографии такое же кольцо, как у меня. Почему мой отец боится разговаривать со мной по телефону. И почему совершенно посторонний мужчина знает о моей жизни больше, чем я.

Андрей резко поднял голову.

— Какой мужчина?

Вера поняла ошибку. Поздно.

— Кто?

— Неважно.

— Вера, какой мужчина?

— Максим.

Лицо Андрея изменилось. Не удивление. Не непонимание. Ужас.

— Что?

— Его зовут Максим.

— Где ты его видела?

— Сегодня.

— Где?

— Какая разница?

Андрей схватил телефон.

— Что ты делаешь?

— Звоню Соне.

— Причём здесь Соня?!

— Она у Кати?

— Да.

— Пусть остаётся там.

— Андрей!

Он уже набирал номер. Вера выхватила телефон.

— Ты совсем с ума сошёл?

— Ты не должна была встречаться с Максимом.

— Почему?

— Потому что...

Он остановился.

— Потому что что?

Андрей смотрел на неё. И впервые за весь разговор Вера увидела не вину. Страх за неё.

— Что он тебе сказал?

— Достаточно.

— Что именно?

— Про Алису.

Андрей побледнел ещё сильнее.

— Он показал фотографию?

— Да.

— Чёрт.

— Почему ты его боишься?

— Я не боюсь Максима.

— Тогда чего?

Андрей посмотрел на телефон Веры. Экран снова загорелся. Максим. Новое сообщение. Вера прочитала. «И ещё одно. Не спрашивайте Андрея, почему погибла Алиса». Следующее пришло через несколько секунд. «Спросите, почему в ту ночь вы тоже были там». Вера медленно подняла глаза.

— Андрей.

— Что?

Она показала сообщение. Он прочитал. И сел на край кровати. Просто сел. Будто ноги перестали держать.

— Что это значит?

Андрей молчал.

— Мне было шестнадцать, когда мама умерла.

— Да.

— Максим пишет, что я была там.

— Вер...

— Где «там»?

Андрей закрыл лицо руками.

— Ответь.

Он опустил руки.

— В доме.

— В каком доме?

Андрей посмотрел на неё.

— Номер сорок семь.

Вера почувствовала холод.

— Я никогда раньше не была в этом доме.

— Была.

— Нет.

— Была, Вера.

— Когда?

Он произнёс:

— В ночь, когда погибла твоя мать.

Она смотрела на него.

— Я ничего этого не помню.

— Знаю.

— Почему?

Андрей встал. Подошёл. На этот раз Вера не отступила.

— Потому что тебе было не шестнадцать.

— Что?

— Когда погибла Мария, тебе было пять.

Вера покачала головой.

— Но мама умерла, когда мне было шестнадцать.

— Елена умерла, когда тебе было шестнадцать.

Он сделал паузу.

— А Мария — за одиннадцать лет до этого.

Вера вспомнила портрет. Слова Тамары Сергеевны. «В последний раз вы видели её, когда вам было пять лет».

— Тогда кто такая Мария?

Андрей ответил не сразу.

— Женщина, которая тебя родила.

Вера на мгновение прикрыла глаза.

— Но ты сказал, что моя биологическая мать жива.

— Да.

Она открыла глаза.

— Ты только что сказал, что Мария умерла.

Андрей смотрел на неё. И Вера впервые увидела, что он сам понимает: загнан в угол.

— Андрей?

Тишина.

— Кто меня родил?

Он не ответил. Телефон снова завибрировал. Максим. На этот раз сообщение состояло из одной строки: «Теперь вы понимаете, что Андрей не знает главного». Вера подняла глаза на мужа. И впервые подумала не о том, сколько лет Андрей ей лгал. А о другом. Что, если человек, который лгал ей семнадцать лет, действительно не знает правды?

Глава 6. Ночь, которой не было

Вера не уехала к Ларисе. Ещё десять минут назад это казалось единственным возможным решением: бросить в сумку бельё, свитер, зарядку, косметичку, хлопнуть дверью и хотя

бы одну ночь прожить там, где Андрей не сможет смотреть на неё своими виноватыми глазами. Но теперь сумка лежала раскрытой на кровати, рукав блузки свисал на пол, а сама Вера стояла у окна и смотрела во двор. Сентябрьский вечер уже окончательно стемнел. В окнах соседнего дома один за другим зажигался свет. На детской площадке качели медленно двигались от ветра, хотя детей давно увели домой. Возле подъезда курил мужчина в домашней футболке, придерживая локтем пакет с мусором. Обычная жизнь продолжалась в нескольких метрах от неё с оскорбительной уверенностью. За спиной Андрей молчал. На кухне осталась паста. Соус, который он готовил, наверняка уже покрылся тонкой плёнкой. Вера почему-то подумала именно об этом — о соусе, о выключенной плите, о французской песне, оборвавшейся несколько минут назад. Сознание цеплялось за бытовые мелочи, словно за поручни в вагоне, который вдруг сошёл с рельсов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.